

СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ

Нынче купили Мишке новую кепку... Он пришел в школу празднично-неестественный: у него то и дело улыбкой сводило щербатый рот. На маленькой перемене все мальчишки первого класса примеряли кепку. На большой перемене интерес к обнове ослаб, а к концу занятий совсем привыкли. И кепка потеряла для Мишки ценность, жизнь снова стала будничной.

После уроков — гуртом домой.

На околице взрослый соседский парень стрелял дробью в ворота бани, пробовал только что купленное ружье. На дверях бани углем нарисован тройной круг: палил в него с двадцати шагов, с пятидесяти. Вся дверинка была уже как решето.

Сугорбый старик в фуфайке и в такой же, как у Мишки, новой кепке сидел на бревне, корректировал эту пальбу. Над ними на безопасном расстоянии суматошно орала стая ворон и галок.

Вскоре начали палить по кепкам, потому что тотчас же нашлись доброхоты:

— Давай мою!

— А вот не попасть! Вот не попасть!

Старик с восхищением следил за стрельбой, кричали в небе вороны. Кепки по очереди взлетали вверх, и Мишка долго крепился. Но вот враз вдохнул воздух, набравшись храбрости, отчаянно бросил кепку. Бух! — не задело, ни одной дробинкой. Он бросил еще раз, как можно выше, потом еще... Бух! — кепка вдруг подскочила в воздухе, клочья полетели во все стороны. Оказалось, не клочья, а бумажные пыжи. Однако и кепке досталось: насчитали шесть дыр...

— Я как брошу, как брошу! — захлебываясь, говорит Мишка. Он снова выглядит героем и с восторгом показывает дырчатую, пахнущую порохом обнову. До него не сразу доходит горестный смысл всего случившегося. Глаза его наполняются обильной влагой, слезы вот-вот покатятся по щекам. Губы сами постепенно вытягиваются в подкову. Все чувствуют, что еще мгновение — и у бани раздастся Мишкин рев.

Но тут старик, сидевший до этого на бревне, встал:

— Ну, ребяташки, хватит вам кидать! Теперь моя очередь!

Он резво бросил в воздух свою тоже новую кепку. Бух! — парень уже натренировался и палил довольно сносно. Кепку разнесло по всем правилам...

Дыры считают все вместе, и Мишкины слезы почему-то рассасываются, предчувствие великой домашней беды сразу ослабевает.

* * *

Дома он мужественно выдерживает свои роковые минуты, впервые в жизни не по-

дал голосу. Когда буря утихла, Мишка, вздрагивая плечами, садится за уроки. Потом идет в сени, берет удочку и, накопав червей, отправляется на реку.

Вороны и галки давно затихли и расселись кто где. Старик, теперь уже в пограничной, привезенной сыном фуражке, идет за сосновыми лапками для помела и останавливается около Мишки, на речном мостике. Глаза у старика весело щурятся.

— И охота тебе, Мишка, мерзнуть, шел бы домой. Мишка молчит.

— Много наудил-то? Ишь какой окунице, наверно, без очереди клюнул. И маневры, наверно, на крючке выделявал, как новобранец. Делал маневры-то?

— Ыхы,— соглашается Мишка.

— Ну вот, я и гляжу, что окунь такой большой долбило.

Старик осторожно положил на бревна единственного крохотного окунька. Вдруг поплавок резко качнулся и исчез. Мишка присел, дернул, и громадный красноперый окунь смачно зашлепал хвостом по настилу мостика. Мишка быстро наживил заново. Через минуту такой же громадный окунь повис на крючке, потом третий, четвертый.

Старик крякнул.

— Ты, значит, Мишка, это... червяков-то где накопал, за хлевом, что ли?

...На следующий день, когда Мишка был в школе, зеленая пограничная фуражка с утра маячила на мостике. Но клева не было, окуни словно приснились.

— Что старый, что малый,— ворчит бабка, идя за водой.

А время идет своим чередом, и осень уже вбивает в безбрежное небо последние журавлиные клинья. Пройдет зима и весна, отшумит лето. И скоро, очень скоро перейдет Мишка в другой класс...